

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

*Сборник материалов Всероссийской
научно-практической конференции*

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

2025

**Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Кафедра уголовного права

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

*Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции*

Электронное издание

**Екатеринбург
2025**

ББК 67.51
У261

Уголовно-правовые и криминологические аспекты противо-
У261 действия преступности: сборник материалов Всероссийской научно-
практической конференции [Электронное издание]. – Екатеринбург:
Уральский юридический институт МВД России, 2025. – Электрон. дан.
(0,9 Мб). – 1 электрон. опт. диск. – Систем. требования: процессор
300 МГц и выше, 512 Мб; CD/DVD-ROM; Microsoft Windows XP и вы-
ше; Adobe Reader 9.

ISBN 978-5-908069-29-8

Редакционная коллегия:

председатель

Г. Ш. Аюпова, начальник кафедры уголовного права Уральского юридического
института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

заместитель председателя

Н. В. Голубых, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права,
кандидат юридических наук, доцент

члены редакционной коллегии

Н. В. Щетинина, профессор кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент;

Д. В. Веденин, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права,
кандидат юридических наук;

М. Н. Ефарова, доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук
ответственный секретарь

Н. С. Шапошникова, старший преподаватель кафедры уголовного права

В сборник вошли материалы Всероссийской научно-практической конферен-
ции «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия преступно-
сти», состоявшейся 11 июня 2025 года, посвященной широкому спектру тем – от тео-
ретических проблем толкования конститутивных признаков новых составов преступ-
лений до практических решений по повышению эффективности превентивных мер.

Издание представляет интерес для широкого круга читателей: студентов и
слушателей, аспирантов и адъюнктов, преподавателей и практических работников
правоохранительных органов.

Рассмотрен на заседании кафедры уголовного права УрЮИ МВД России
(протокол № 13 от 3 сентября 2025 г.).

ISBN 978-5-908069-29-8

ББК 67.51

© Коллектив авторов, 2025

© Уральский юридический институт МВД России, 2025

*Баумштейн Антон Борисович,
профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ В СОСТАВАХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Актуальность исследования обусловлена ростом количества экономических преступлений в Российской Федерации, усложнением их структуры и способов совершения, а также необходимостью адекватного правового реагирования. Важнейшим элементом в квалификации таких деяний является установление вины лица, совершившего преступление. Особенности экономических правонарушений, таких как многосубъектность, опосредованный ущерб, использование легитимных инструментов в преступных целях, требуют особого подхода к выявлению и доказыванию субъективной стороны.

Согласно ст. 5 УК РФ, основанием уголовной ответственности является вина лица. Вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности (ст. 24 УК РФ). В теории уголовного права вина традиционно делится на два вида: умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность).

Экономические преступления, как правило, совершаются с прямым умыслом, однако в ряде случаев законодатель допускает ответственность за неосторожные деяния, например, при банкротстве (ст. 197 УК РФ) или нарушении правил бухгалтерского учёта (ст. 195 УК РФ). Это требует тщательной дифференциации форм вины, а также оценки мотивации и профессионального уровня лица.

Субъективная сторона экономических преступлений отличается высокой степенью интеллектуального элемента. Лицо не только осознаёт общественную опасность своих действий, но и действует в условиях высокой профессиональ-

ной осведомлённости. Как подчеркивает Е. Ф. Побегайло, «преступления в сфере экономики нередко совершаются с расчётом на легитимизацию своих действий в рамках хозяйственной деятельности» [1].

Особую сложность представляет установление умысла в условиях корпоративного управления, когда решения принимаются коллегиально, а последствия наступают в отдалённой перспективе. Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал необходимость учитывать совокупность косвенных доказательств при установлении умысла, особенно при анализе налоговых и банковских преступлений (например, Определение ВС РФ от 18.06.2019 № 78-УД19-4) [2].

Ярким примером может служить Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2022 по делу № 88-7599/2022, в котором суд указал на недоказанность умысла директора компании на уклонение от уплаты налогов, поскольку действия носили характер хозяйственного спора и сопровождались попытками урегулирования с налоговым органом [3].

Анализ практики показывает, что в делах об уклонении от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК РФ) ключевым элементом обвинения является доказательство осознанного занижения налоговой базы. В Постановлении Пленума ВС РФ от 28.12.2006 № 64 указано, что для привлечения к ответственности по этим статьям необходимо установить умысел на сокрытие доходов или иное нарушение налогового законодательства [4].

Примером может служить Апелляционное определение Московского городского суда от 05.05.2023 по делу № 10-3473/2023, где суд отказался признать вину генерального директора, установив, что тот действовал на основании заключения аудитора, не имея намерения причинить ущерб государству [5].

При этом нередко встречаются случаи, когда следственные органы формально подходят к оценке субъективной стороны. Как отмечает А. И. Рарог, «в экономических преступлениях чрезвычайно важно установить наличие у лица умысла на причинение ущерба государству или иным субъектам. Отсутствие такого умысла должно исключать уголовную ответственность» [6].

В условиях цифровизации экономики и усложнения финансовых схем доказывание вины требует использования специальных знаний, привлечения экспертов в области бухгалтерского учёта, финансового анализа и экономической безопасности. Как указывает С. В. Максимов, «экспертные заключения становятся не просто вспомогательным, а нередко ключевым доказательством в делах о хищении и мошенничестве» [7].

В Обзоре практики рассмотрения уголовных дел по экономическим преступлениям за 2023 год, подготовленном Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, отдельно выделены случаи, когда заключения экономистов и аудиторов стали решающими для вывода суда о наличии либо отсутствии вины.

Современные тенденции свидетельствуют о росте значимости правовой квалификации хозяйствующих субъектов. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики от 15.11.2023 обратил внимание на необходимость дифференцированного подхода к оценке вины в зависимости от организационно-правовой формы компании и распределения полномочий между её участниками [8].

Одной из ключевых проблем является разграничение преступного умысла и хозяйственного риска. В экономической деятельности любое управленческое решение сопряжено с определённой степенью риска, который может привести к негативным последствиям. Однако не каждый негативный результат является следствием преступного умысла.

Как подчёркивает М. К. Новицкий, «установление грани между допустимым риском и преступной неосторожностью требует учёта деловой цели действий и добросовестности субъекта. В связи с этим важно оценивать действия лица не ретроспективно, а с позиции доступных ему на тот момент обстоятельств» [9].

Так, в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 10.02.2023 по делу № 22-1215/2023 отмечается, что лицо приняло управленческое решение, исходя из наличия у предприятия краткосрочной ликвидности, и не могло предвидеть резкое падение спроса. Суд указал на отсутствие в действиях состава преступления [10].

Международная практика демонстрирует схожие проблемы в установлении вины по экономическим делам. В странах континентального права акцент также делается на оценке субъективной осведомлённости лица и его профессиональных обязанностей. В англосаксонской системе используется концепция «willful blindness» (преднамеренного незнания), позволяющая вменять вину в случаях, когда лицо сознательно избегало получения информации о преступном характере действий.

Для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями необходимо совершенствование методик доказывания вины, развитие межведомственного взаимодействия и повышение профессиональной подготовки следователей и судей. Следует также развивать институциональные механизмы оценки хозяйственного риска и совершенствовать критерии правомерности экономического поведения.

Установление вины в составах экономических преступлений представляет собой сложную правовую задачу, требующую междисциплинарного подхода, учета отраслевых особенностей и профессионального уровня субъекта. Только комплексный анализ всех обстоятельств позволяет достоверно установить субъективную сторону и обеспечить справедливость уголовного преследования.

Список источников

1. Побегайло Е. Ф. Уголовная политика в сфере борьбы с преступлениями в экономике. М.: Норма, 2013. 272 с.
2. Определение Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 78-УД19-4 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 августа 2022 г. по делу № 88-7599/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 5 мая 2023 г. по делу № 10-3473/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Рарог А. И. Уголовное право. Общая часть: учебник. М.: Проспект, 2021. 544 с.

7. Максимов С. В. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 368 с.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 15 ноября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

9. Новицкий М. К. Умысел и неосторожность в уголовном праве. СПб.: Изд-во РГУП, 2017. 312 с.

10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10 февраля 2023 г. по делу № 22-1215/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

*Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Проблематика противодействия преступным посягательствам, связанных с торговлей людьми, как среди практических работников, занимающихся противодействием рассматриваемым преступным проявлениям, так и между представителями научного сообщества, в условиях начала нового тысячелетия признается важнейшей из глобальных задач [1]. С каждым годом энергично набирающее обороты развитие телекоммуникационных сетей и Интернета существенно повысило возможности субъектов преступной деятельности в сфере современной работоторговли (работоторговцев и владельцев жертв данных преступлений) [2]. Одним из дополняющих элементов анализируемой деятельности в сфере работоторговли выступают мероприятия, проводимые преступными группировками, занимающимися вербовочной деятельностью по вовлечению в работоторговлю новых потенциальных жертв [3].

Одновременно с этим чрезвычайно бурное развитие в последние годы цифровизации в немалой степени снижает потенциальные риски для преступников данной противоправной сферы быть установленными, наказанными и привлеченными к мерам уголовной ответственности. Кроме того, как отмечают современные эксперты, развитие цифровизации, способствующей использованию веб-сайтов торговцами людьми, оказывает активное содействие как самим процессам, связанным с вербовкой потенциальных жертв и работоторговлей, так и разного рода рекламной деятельности с целью продажи пострадавших лиц от современной работоторговли их владельца [4].

Таким образом, помимо необходимых для современной жизнедеятельности положительных действий, современные телекоммуникационные сети обладают различными побочными эффектами. В том числе в настоящее время это весьма эффективный инструмент, при помощи которого преступники получают неограниченные, недорогие и быстрые возможности по использованию анонимных средств с целью вербовочной деятельности жертв рассматриваемых преступлений в киберпространстве [5].

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что в процессе преступной деятельности, связанной с вербовкой жертв, происходит размещение исходных данных по ведению набора и соответствующими условиями приглашения для работы граждан [6]. Места подробной трудовой деятельности, привлекательность ее условий, возможность бесплатного проживания, уровни тарифной оплаты за труд, и, самое главное, нахождение за рубежом, указанные в рекламных объявлениях, весьма заманчивы, на что и рассчитывают преступники, размещая подобную рекламу в различных средствах массовой информации, в том числе в киберпространстве [7].

И как показывает опыт, граждане, которые не вполне довольны своими нынешними условиями труда, заработками, да и в целом сложившимся социальным положением, легко отзываются на объявления, размещенные на различных интернет-сайтах [8].

В большинстве случаев в процессе поиска нового рабочего места потенциальной жертве попадает на глаза приглашение на престижную и высокооплачиваемую работу за рубежом. И если человек не имеет рабочей квалификации, не обладает серьезными профессиональными навыками и тем более не получил хорошего образования, его прельщают предлагаемые преступниками условия работы и профессии барменов, официанток, танцовщиц или же просто прислуги для богатых иностранцев [9].

Анализируемая преступная деятельность, к которой прибегают торговцы людьми в киберпространстве, практически не может быть полностью отслежена правоохранителями, тем более в условиях совершения транснациональных

преступлений, когда преступные посягательства начаты в одном государстве, а заканчиваются в другом [10]. В большинстве случаев существенный рост применения рассматриваемых телекоммуникационных технологий для проведения вербовки жертв обусловлен следующими факторами: в первую очередь полной анонимностью лиц, использующих данные технологии; невозможностью быстрого установления преступников; ежегодным приростом аудитории глобального информационного пространства; дешевизной и доступностью интернет-технологий и его сервиса; возможностью пользования данными технологиями в любом месте в любое время, безо всяких ограничений; отсутствием совершенных законодательных норм в каждом государстве, которые бы давали возможность незамедлительно и адекватно реагировать на совершаемые в рассматриваемой сфере преступления [11].

В дальнейшей перспективе одной из важнейших задач и ключевых направлений противодействия работорговле является осуществление контроля кибер- и медиапространства, а также телекоммуникационных сетей. По большей части, это обусловлено тем, что в первую очередь телекоммуникационные сети активно используются транснациональными преступными группировками в целях осуществления вербовочных процессов в отношении будущих жертв работорговли. В связи с этим отечественным правоохранителям необходимо проводить непрерывный мониторинг киберпространства и телекоммуникационных сетей с целью как можно большего выявления всех запрещенных ресурсов, возможного установления владельцев всех этих криминальных платформ, а также принятия максимальных необходимых мер по блокировке этого медиа-контента [12].

Таким образом, в данном исследовании автором сделан акцент на том, что в 2020-х годах все динамичнее получают развитие способы и методы анализируемой вербовочной деятельности. В первую очередь они обусловлены интенсивным развитием научно-технического прогресса, благодаря которому при вербовке жертв работорговли преступниками так широко идет применение разного рода цифровых технологий. В сложившейся ситуации отечественным пра-

воохранителям следует сосредоточиться на осуществлении непрерывного мониторинга цифрового пространства для выявления запрещенных ресурсов и принятия необходимых мер по их немедленной блокировке. Также всем заинтересованным лицам, занимающимся борьбой с современными видами рабства, немаловажно во взаимодействии с коллегами из дружественных Российской Федерации стран налаживать противодействие торговле людьми, которое в обязательном порядке должно выстраиваться на основе специального комплекса мер по совместному контролю за информационно-коммуникационными сетями. Благодаря комплексу предпринятых мер в дальнейшей перспективе возможно будет снизить негативное воздействие информационных технологий на развитие новых способов, связанных с вербовкой жертв работорговли.

Список источников

1. Лебединец И. Н. Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работорговлей и другими формами торговли людьми // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 186–191.
2. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАН-ХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158–191.
3. Кобец П. Н. Психологическая реабилитация потерпевших от преступлений, совершенных с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека // Юридическая психология. 2024. № 1. С. 15–17.
4. Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А. М. Воронов, С. И. Гирько, Д. В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 3 (51). С. 141–159.
5. Кобец П. Н. Борьба с киберпреступностью – фундамент противодействия рискам в сфере информационной безопасности и цифрового пространства // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации (шифр-МКАА): сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции (Москва, 27 марта 2024 г.). М., 2024. С. 63–72.
6. Насуров П. А, Пиров М. Т. Проактивная стратегия как необходимая мера при выявлении фактов торговли людьми // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2012. № 1 (17). С. 98–104.
7. Толстухина Т. В., Гусейнов Т. А. Вербовка лиц на первоначальном этапе торговли людьми // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5–2. С. 23–26.

8. Кобец П. Н., Краснова К. А. Современные особенности, причины, условия и совершенствование мер противодействия киберпреступности // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 1. С. 103–110.

9. Хайдарзода З. П. Уголовно-правовая и криминологическая природа торговли людьми // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. № 1 (25). С. 205–214.

10. Кобец П. Н. Эффективное предотвращение киберугроз – основа борьбы с рисками киберпреступных проявлений // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции (Москва, 15 марта 2024 г.). М., 2024. С. 59–68.

11. Предупреждение преступности в России: монография / Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Ю. Г. Касперович [и др.]; под редакцией профессора Ю. М. Антоняна. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2014. 344 с.

12. Рогава И. Г. Проблемы первоначального этапа расследования торговли людьми // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 245–246.

*Мелюханова Евгения Евгеньевна,
доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОСТАВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Составное преступление представляет собой два преступления, каждое из которых предусмотрено УК РФ в качестве самостоятельного, образующего учетную законодателем в УК РФ совокупность преступлений. Такие преступления могут быть с двумя и более тождественными действиями, с двумя формами вины, с несколькими объектами, с дополнительными последствиями и др.

Относительно терминологии следует указать, что «в составном преступлении главной особенностью будет наличие множества составов преступлений в одном общем составе, и который учтен в диспозиции одной уголовно-правовой нормы. Имеющийся в законе состав описан с помощью как минимум двух составов преступлений. Сам состав преступления, таким образом, складывается из множества самостоятельных составов, поэтому правильным будет называть такое преступление составным, а не сложным, то есть составленным из нескольких составов преступлений» [1, с. 90].

На примере некоторых составных преступлений можно выделить определенные проблемы. Рассмотрим три составных преступления, предусмотренных УК РФ:

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. За совершение данного умышленного преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет, поэтому оно является особо тяжким преступлением. Оно состоит из двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 111 УК РФ и ч. 1 ст. 109 УК РФ. За совершение первого преступления предусмотрено наказание в виде лишения сво-

боды на срок до восьми лет, поэтому оно относится к категории тяжких преступлений. За совершение второго преступления наиболее строгое наказание – лишение свободы на срок два года, поэтому оно относится к категории преступлений небольшой тяжести.

Незаконное проведение искусственного прерывания беременности, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшей. Наиболее строгое наказание за совершение данного умышленного преступления – лишение свободы на срок пять лет, поэтому оно относится к категории преступлений средней тяжести. Оно состоит из двух преступлений небольшой тяжести, предусмотренных ч. 1 ст. 123 УК РФ (наказание в виде лишения свободы не предусмотрено) и ч. 1 ст. 109 УК РФ (лишение свободы на срок два года).

Похищение человека, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшего. Данное преступление является особо тяжким (наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет) и состоит из двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 126 УК РФ и ч. 1 ст. 109 УК РФ. За совершение первого преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, поэтому оно относится к категории преступлений средней тяжести. За совершение второго преступления наиболее строгое наказание – лишение свободы на срок два года, поэтому оно относится к категории преступлений небольшой тяжести.

По всем рассмотренным составным преступлениям наблюдается увеличение строгости наказания. Так, максимальное наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, составляет 15 лет лишения свободы, что в полтора раза больше полного сложения максимально возможного наказания за совершение преступлений, образующих данное составное преступление (8 лет за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и 2 года за причинение смерти по неосторожности). Более чем в два раза увеличивается строгость наказания за совершение составного преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (5 лет за похищение человека и 2 года за причинение смерти по неосторожности в сово-

купности «превращаются» в 15 лет лишения свободы). И, наконец, за незаконное проведение искусственного прерывания беременности, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшей, наказание в виде лишения свободы увеличивается более чем в два раза, несмотря на то, что за одно из преступлений, образующих данное составное, оно вообще не предусмотрено. Причем наказание в виде лишения свободы предусмотрено за последствия в виде причинения смерти по неосторожности. Однако «более опасное преступление-последствие не может быть частью целого преступления» [2, с. 56].

По нашему мнению, увеличение строгости наказания должно осуществляться по единым правилам, относящимся ко всем преступлениям, а не только для избранных законодателем случаев – составных преступлений. Учетная законодателем совокупность преступлений предусмотрена лишь для некоторых преступлений. Очевидно, что отсутствует необходимость и возможность введения в Особенную часть УК РФ учтенной совокупности всех преступлений. Более обоснованным представляется применение ко всем преступлениям общего правила назначения более строгого наказания по совокупности преступлений.

Кроме того, по всем рассмотренным составным преступлениям наблюдается изменение категории преступления. Все преступления, образующие составное, являются менее тяжкими, чем составное из них. Однако увеличение количества преступлений не может в совокупности увеличивать их общественную опасность и изменить категорию преступления. Множественность преступлений как уголовно-правовая категория характеризует количественную составляющую категории «преступление» и качественно ее не меняет. Множественность преступлений предполагает влияние на назначение наказания в сторону увеличения степени его строгости, но не оказывает влияния на изменение категории преступления.

Еще одной проблемой составных преступлений является правило, сформулированное в ст. 27 УК РФ, согласно которой преступление, совершенное с двумя формами вины, признается совершенным умышленно. Однако возника-

ют сомнения в обоснованности такого вывода: каким образом умышленное и неосторожное преступления образуют именно умышленное.

Очевидно, что без существования конструкции двойной формы вины квалификация вполне возможна по совокупности преступлений. При этом в доктрине уголовного права существует содержательное коллизионное правило, согласно которому при коллизии части и целого приоритет имеет целое. То есть при наличии составного преступления с двойной формой вины приоритет для квалификации имеет именно эта законодательная конструкция.

В обоснование существования в уголовном законе конструкции двойной формы вины возможно привести два основных аргумента: повышение общественной опасности преступления и достаточная распространенность. Относительно общественной опасности преступления с двойной формой вины следует заключить, что наличие в действиях лица признаков двух преступлений не может изменить их качественно, наблюдаются лишь количественные изменения. Однако законодатель при конструировании преступлений с двойной формой вины привносит качественные изменения, признавая такое преступление умышленным.

Таким образом, с учетом существующих проблем возникает вопрос: обосновано ли существование в уголовном законе составных преступлений? По нашему мнению, совокупность преступлений, учтенная законодателем при конструировании квалифицированного состава преступления, является избыточной, нарушает логику строения уголовного закона и затрудняет квалификацию преступлений. В подобных случаях деяние должно квалифицироваться по совокупности преступлений, что соответствует правилам логики, принципу справедливости и законодательной экономии.

Список источников

1. Ораздурдыев А. М. Общая характеристика сложного и составного преступлений // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. № 75.
2. Пудовочкин Ю. Е. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. 2009. № 4.

*Табанакова Валерия Ивановна,
адъюнкт адъюнктуры
Восточно-Сибирского института МВД России*

НОВЫЙ ШАГ К СИСТЕМАТИЗАЦИИ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: РЕФОРМА СТАТЬИ 282 УК РФ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ВЫЗОВОВ

Статья 282 УК РФ направлена на противодействие экстремизму, однако её применение часто критикуется за неоднозначность трактовки понятий «ненависть» и «унижение достоинства», что приводит к правовым коллизиям и злоупотреблениям. 1 апреля 2025 года принят Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении проект Федерального закона № 835233-8 «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части совершенствования механизма противодействия возбуждению ненависти либо вражды и унижению человеческого достоинства по экстремистским мотивам)» (далее – законопроект) [1]. Целью законопроекта, мы полагаем, является усиление уголовно-правовой охраны основ конституционного строя за счет ужесточения ответственности, обеспечения баланса между защитой общества и гарантиями свободы слова.

Основные изменения во внесенном в Государственную Думу законопроекте заключаются в следующем:

1. Предлагается уточнение объективных признаков состава преступления путем введения критериев для определения «возбуждения ненависти», связанных с оправданием или пропагандой насилия. Исключаются установленные в настоящем федеральном законе временные рамки привлечения к уголовной ответственности в течение одного года с момента привлечения лица к административной ответственности.

2. Введение альтернативных мер уголовно-правового воздействия (штрафы, исправительные работы) для случаев без прямой угрозы насилия.

3. Расширение квалифицирующих признаков в п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ в части совершения преступления группой лиц, по предварительному сговору или организованной группой.

Полагаем, что внесение законопроекта актуально в связи с ростом антиэкстремистского контента в сети «Интернет». В законопроекте учитываются новые формы экстремизма в виде пропаганды в сети «Интернет». Законопроект усиливает защиту лиц по признакам расы, религии, национальности, что соответствует международным стандартам. Так, А. В. Рыбников в своем исследовании международного правового регулирования в сфере борьбы с нетерпимостью на почве расовой, национальной и религиозной принадлежности или вражды приводит пункт 3 статьи 2 Директивы Совета ЕС 2000/43/СЕ, в которой указано, что преследование может быть дискриминацией, когда оно связано с расой или этническим происхождением и когда оно имеет своим содержанием или целью нанести ущерб достоинству лица, создавая вокруг него угрожающую, враждебную, унижающую, оскорбительную или запугивающую атмосферу [2, с. 180].

Несмотря на внесенные уточнения, на наш взгляд, требуется разъяснение, что законодатель понимает под «пропагандой» в целях недопущения неверной интерпретации действий граждан. Также в законопроекте нет пояснений, как различить прямые призывы к насилию и общие высказывания.

В контексте реформирования антиэкстремистского законодательства важно учитывать опыт международных правовых систем и научные исследования, анализирующие баланс между защитой общественной безопасности и гарантиями прав человека. В. А. Рыбаков отмечает, что эффективность правовых норм напрямую зависит от чёткости и конкретности формулировок, цели правового регулирования и полученного положительного результата. В нашем случае вытеснение социально вредных и опасных связей и отношений [3, с. 10]. Это особенно актуально для статьи 282 УК РФ, где расплывчатость терминов

«ненависть» и «унижение достоинства» создаёт риски субъективного толкования. Подобные проблемы характерны не только для России. Например, исследование Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью подчёркивает, что в странах Европейского союза аналогичные нормы требуют детализации критериев [4].

Предлагаемое в законопроекте уточнение объективных признаков состава преступления соотносится с выводами М. В. Аблина, который акцентирует внимание на необходимости дифференциации между прямыми призывами к насилию и незаконными высказываниями [5, с. 8]. Также автор предлагает использовать лингвистический анализ, основанный на контекстуальном подходе, что могло бы стать методологической основой для российских экспертиз. Однако даже при наличии чётких критериев остаётся вопрос независимости экспертов и прозрачности процедур. Это подтверждает необходимость внедрения таких мер, как усиление требований к экспертизе по делам об экстремизме, запрету частным экспертам проводить данные виды экспертиз.

Кроме того, международные стандарты подчёркивают важность соблюдения принципа пропорциональности наказания [6, с. 8]. Введение альтернативных мер воздействия за преступления без прямой угрозы насилия, предусмотренных законопроектом, соответствует данной позиции. Как показывает практика Германии, где аналогичные нормы успешно сочетаются с защитой свободы слова, дифференциация санкций снижает риски чрезмерного давления на граждан [7, с. 34].

Однако остаются нерешёнными вопросы, связанные с цифровым пространством. По данным, указанным в пояснительной записке к законопроекту в 2024 году, в 42,6 % дел о правонарушениях возбуждены на основании публикаций в социальных сетях. Возможно, в будущем потребуется разработка на законодательном уровне и закрепление специфических критериев оценки онлайн-контента на предмет выявления экстремистских высказываний, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Таким образом, предложенные изменения в статье 282 УК РФ представляют собой шаг к систематизации антиэкстремистского законодательства, но требуют дальнейшей детализации с опорой на научные исследования и международный опыт. Это позволит избежать коллизий и обеспечить защиту как общественных интересов, так и конституционных прав граждан.

Список источников

1. Законопроект № 835233-8 «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части совершенствования механизма противодействия возбуждению ненависти либо вражды и унижению человеческого достоинства по экстремистским мотивам)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835233-8> (дата обращения: 05.04.2025).
2. Рыбников А. В. Вклад Европейского союза в правовое регулирование в сфере борьбы с нетерпимостью на почве расовой, национальной и религиозной принадлежности или вражды // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5.
3. Рыбаков В. А. Критерии определения эффективности права // Правоприменение. 2019. № 2.
4. Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью № 15 о борьбе с языком ненависти. Страсбург, 2016. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech-russ/16808b5b07> (дата обращения: 13.04.2025).
5. Аблин М. В. Экстремизм и экстремистские материалы в юрислингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36 (290).
6. General Comment No.34: Article 19: Freedoms of opinion and expression. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/2011/en/79729> (дата обращения: 11.04.2025).
7. Халилова Н. А. Свобода слова в правовых системах США и Германии: сравнительный правовой анализ гарантий и ограничений // Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences. 2024. № 9.

*Акаева Ксения Альбертовна,
преподаватель кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Уральского юридического института МВД России*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 110.1 УК РФ

Ежегодные статистические данные свидетельствуют о сохраняющейся положительной динамике снижения числа погибших от самоубийств в Российской Федерации [1]. При этом число умерших от самоубийств более чем в два раза превышает количество лиц, погибших от убийств [2].

Особую озабоченность вызывают случаи совершения самоубийства несовершеннолетними. Проявление суицидальной активности среди несовершеннолетних связано с популяризацией закрытых сообществ «групп смерти» в сети Интернет, которые в прямой или косвенной форме пропагандируют самоубийство. Привлечь организаторов преступной деятельности, связанной с побуждением несовершеннолетних к самоубийству, не представилось возможным, в силу того, что действовавшая в то время норма отечественного уголовного закона не регламентировала ответственность за подобные преступные деяния. В этой связи Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новым составом преступления, установившего ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства (статья 110.1 УК РФ).

Безусловно, установленные в 2017 году отечественным законодателем дополнительные уголовно-правовые механизмы защиты жизни и здоровья человека в научной среде оцениваются весьма положительно. Однако в настоящее время существуют множество неразрешенных вопросов в части противодействия склонению к совершению самоубийства и содействию совершению самоубийства, что обуславливает необходимость исследования виктимологических аспектов данного негативного явления.

Приоритетным направлением в осуществлении виктимологической профилактики преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, является исследование особенностей личности потерпевшего. Поскольку зарождению и осуществлению преступного замысла нередко способствуют личностные качества потерпевших, особенности их поведения и взаимоотношения с правонарушителем [3, с. 141]. Соответственно, выделение основных свойств и признаков личности потерпевшего имеет важное практическое значение для разработки эффективной системы предупреждения преступности.

Как следует из официальных статистических данных, всего на территории Российской Федерации в период с 2021 по 2024 год зарегистрировано 98 преступлений, ответственность за которые установлена ст. 110.1 УК РФ. Потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, были признаны 125 человек: 2021 год – 49; 2022 год – 29; 2023 год – 17; 2024 год – 30 [4]. Чаще всего жертвами от анализируемых преступлений становились женщины, их доля составляет 69,6 %. В свою очередь, мужчины реже становятся жертвами склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства (30,4 %).

Говоря о возрастной характеристике потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, можно отметить, что 88 % приходится на несовершеннолетних: до 14 лет – 47; 14–15 лет – 41. Заметно реже выявляются потерпевшие от преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, в следующих возрастных категориях: 16–17 лет – 22 %; 18–24 лет – 7,2 %; 25–29 лет – 1,6 %; 30–49 лет – 3,2 %.

Изложенное позволяет отметить, что большое количество преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, совершается в отношении детей и подростков. Такая негативная тенденция связана, прежде всего, с активным внедрением в массовое сознание несовершеннолетних тематики суицида в сети Интернет. Следует отметить, что в период с 2021 по 2024 год сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 634 несовершеннолетних, являющихся активными участниками интернет-сообществ суицидальной направленности. Заинтересо-

ванность тематикой суицида среди несовершеннолетних зачастую обусловлена социальными проблемами (конфликтные взаимоотношения с родителями, со сверстниками и/или с учителями; безответная любовь; материально-бытовые сложности и др.). Иными причинами «увлечения» несовершеннолетними суицидальной тематикой выступают психологические аномалии (в частности депрессивное и тревожное расстройства). Такие несовершеннолетние обидчивы, импульсивны, обладают заниженной самооценкой, легко поддаются внушению со стороны третьих лиц.

Соответственно, среди потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, несовершеннолетние обладают повышенным уровнем виктимности. Это означает, что с целью снижения у несовершеннолетнего риска стать жертвой преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, необходимо усилить меры виктимологической профилактики.

В предупреждении склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства необходимо использовать разносторонние виктимологические меры, в частности:

- введение в учебных заведениях дисциплины «цифровая безопасность, правила поведения и ответственность в сети»;

- обращение должного внимания со стороны педагогического состава на морально-психологическое состояние каждого из обучающихся, резкие смены настроений;

- использование возможностей искусственного интеллекта в выявлении нежелательного и запрещенного контента в интернет-пространстве;

- проведение открытых семинаров в формате профилактического просвещения населения о проблеме детского суицида, в том числе возникшего посредством влияния сети Интернет.

Таким образом, феномен склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства по-прежнему вызывает обеспокоенность в обществе и требует пристального внимания со стороны правоохранительных органов. В этой связи виктимологические меры предупреждения преступлений,

предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, должны быть разработаны при помощи современных инновационных технологий и направлены на оказание социально-правовой, педагогической, коррекционной и иной помощи лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Список источников

1. Число умершего населения по причине совершения самоубийства [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 25.05.2025).

2. Число умершего населения по причине убийства [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 25.05.2025).

3. Гаджиева А. А. Виктимология как криминологическое учение: научно-практическое пособие для студентов. Махачкала: ИП Овчинников М. А., 2009.

4. Сервис ведомственной правовой статистики единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Раздел 1. Форма 445.

*Веденин Дмитрий Витальевич,
доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ МОШЕННИЧЕСТВА

Имеющиеся статистические данные свидетельствуют о сохранении тенденции сокращения числа выявленных в Российской Федерации преступлений, в том числе относящихся к так называемой «уличной» преступности. Если в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) уход преступников с улиц был во многом обусловлен введенными в стране ограничительными мероприятиями, то в последующем преступность, переориентировавшись в изменившихся условиях на дистанционные формы совершения преступлений и осознав их эффективность, уже не вернулась к «допандемийным» вариантам в том объеме, который был ранее.

Многие современные формы преступной деятельности связаны с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, что породило проблемы практического характера как для следователей, так для сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и повлияло на низкую раскрываемость преступлений рассматриваемой категории, на что обоснованно указал О. И. Захаренко [1].

Как отметил Д. В. Жмуров, наиболее часто встречающимися способами осуществления виктимизации является воздействие на жертву посредством сети Интернет (если в 2019 году удельный вес таких деяний находился на уровне 53 % от общего числа киберпреступлений, то к 2023 году он составил 78 %), а также использование средств мобильной связи (40 % и 45 % соответственно) [2]. Существенная часть подобных преступлений представляет собой хищения.

На протяжении всех последних лет в Российской Федерации самыми распространенными преступлениями являются преступления против собственности. Необходимо отметить, что с каждым годом доля краж в общем числе выявленных преступлений против собственности снижается при одновременном росте доли мошенничеств: в 2024 году удельный вес первых составил 48 %, а вторых – 41,5 %, тогда как годом ранее эти показатели составляли 51,3 % и 38,1 %. С 2021 по 2025 год количество ежегодно регистрируемых мошенничеств (ст. 159–159.6 УК РФ) увеличилось с 339 606 до 445 690.

С учетом данных показателей именно на борьбу с мошенничествами в значительной мере в настоящее время должна быть направлена профилактическая деятельность российского государства. При этом повышенное внимание следует уделять виктимологической профилактике, адресный характер которой невозможен без учета сведений о лицах, которые наиболее часто становятся жертвами мошенников.

Как следует из статистических отчетов [3], в 2024 году в Российской Федерации выявлено 1 181 503 лица, признанных потерпевшими от преступлений (здесь и далее речь будет идти именно о потерпевших – физических лицах). Чаще всего жертвами являлись лица в возрасте от 30 до 49 лет (485 807, что составляет 41,1 %); лица других возрастов становились потерпевшими заметно реже: так, далее следуют категории лиц старше 60 лет (224 116, или около 19 %) и от 50 до 59 лет (166 474, то есть 14,1 %). Необходимо отметить, что потерпевшие в возрасте от 18 до 24 лет выявляются заметно чаще (10,1 %), чем относящиеся к «соседним» возрастам – 14–17 лет (3,9 %) и 25–29 лет (6,6 %), при этом данная тенденция прослеживается как при анализе состава жертв от преступлений против собственности, так и состава пострадавших от мошеннических действий при незначительном возрастании их доли (12 % и 12,4 % соответственно). При этом доли той или иной из трех рассмотренных групп возрастов не совпадают с удельным весом этих групп во всем населении России. Например, доля лиц, ставших потерпевшими от преступлений в возрасте 30–49 лет, заметно выше доли группы людей этого возраста во всем населении: из

Российского статистического ежегодника за 2024 год [4], следует, что на 1 января 2024 года все население страны составляло 146 151 тыс. человек, при этом на возрастную группу от 30 до 49 лет приходилось 45 126 тыс. человек (30,9 %).

Потерпевшими от мошенничеств в 2024 году стали 389 063 человека, что составляет 32,9 % потерпевших от всех преступлений и 49,4 % жертв преступлений против собственности. Доля лиц в возрасте 30–49 лет, пострадавших от мошеннических действий, снижается по сравнению с аналогичным показателем в отношении всех преступлений и составляет 37,54 % (146 063 человека), но по-прежнему превышает указанный выше удельный вес данной возрастной группы во всем населении России. Доля потерпевших от мошенничества в группе 50–59 лет возрастает не слишком заметно – до 15,43 % (60 013), зато наблюдается существенное увеличение доли жертв 60 лет и старше – до 27,2 % (105 875), то есть удельный вес потерпевших по этому возрасту уже начинает превышать ее долю (24 %), приходящуюся на все население Российской Федерации; следовательно, риск стать потерпевшим от мошенничества заметно выше именно для лиц 60 лет и старше. При этом следует учитывать, что в абсолютных значениях в 2024 году в нашей стране наиболее часто жертвами мошенничеств становились лица в возрасте от 30 до 49 лет (впрочем, подобное утверждение справедливо и для общей массы преступлений, и для преступлений против собственности).

Весьма болезненно общество воспринимает случаи, когда жертвами преступлений становятся пенсионеры по старости, к каковым, исходя из ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», в настоящее время отнесены мужчины, достигшие 65 лет, а женщины – 60 лет. В 2024 году потерпевшими от всех преступлений стали 196 517 пенсионеров по старости (16,63 % потерпевших), из них от преступлений против собственности пострадали 152 636 человек из 787 514 потерпевших (19,4 %), а от мошеннических действий – 95 052 из 450 201 (24,43 %). Приведенные цифры свидетельствуют о том, что доля пенсионеров по старости среди потерпевших от мошенничества существенно превышает аналогичную долю в преступлениях против

собственности и тем более – во всех выявленных в прошлом году в России преступлениях.

Женщины и мужчины в 2024 году становились потерпевшими от преступлений почти одинаково часто – 49,4 % (583 672) и 50,6 % (597 782) соответственно, но следует иметь в виду, что женщин в нашей стране заметно больше, чем мужчин: на 1 января 2024 года в России первых было 78 234 тыс. (53,5 %), а вторых – 67 917 тыс. (46,5 %), то есть возможность превратиться в жертву преступления у каждого конкретного мужчины все же выше.

Применительно к преступлениям против собственности удельный вес женщин-потерпевших выше и составляет 52,3 % (411 921), при этом доля мужчин составляет 47,7 % (357 590), что довольно близко к соотношению мужчин и женщин в общем составе населения. Однако если говорить о мошенничестве, то в этом случае следует констатировать рост доли женщин до 57,2 % (222 594) при сокращении доли мужчин до 42,8 % (166 468), и это означает, что женщины в России по сравнению с мужчинами заметно более часто становятся потерпевшими именно от такого преступления, как мошенничество.

Лица, не имеющие постоянного источника дохода, составляют практически одинаковую долю как в общем числе потерпевших от всех преступных посягательств, так и жертв преступлений против собственности – 23,8 % и 23,65 % соответственно, однако в случае, когда речь идет о мошеннических действиях, данный показатель существенно снижается и составляет 20,14 %.

Таким образом, анализ статистической отчетности правоохранительных органов дает основания сделать следующие выводы:

1. Потерпевшие от такого преступления, как мошенничество, составляют весьма многочисленную часть жертв преступлений.

2. Наиболее часто потерпевшими от мошеннических действий становятся люди условно среднего возраста (от 30 до 49 лет), однако следует отметить, что вероятность пострадать от подобных преступлений значительно возрастает также и в преклонном возрасте – старше 60 лет.

3. Женщины становятся потерпевшими от мошеннических действий заметно чаще мужчин.

4. Доля лиц, которые не обладают постоянным источником дохода, среди потерпевших от мошенничества, несколько меньше, чем соответствующая доля применительно как ко всем преступлениям, так и к преступлениям против собственности.

Список источников

1. Захаренко О. И. Возможности повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Законность. 2024. № 9. С. 56–58.

2. Жмуров Д. В. Показатели преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в 2019–2023 годах (виктимологический аспект) // Российский судья. 2024. № 5. С. 19–23.

3. Статистические документы [Электронный ресурс] // Сервис ведомственной правовой статистики МВД России. URL: <https://svps.mvd.ru/web/guest/stat-docs/> Доступ для зарегистрированных пользователей (дата обращения: 16.02.2025).

4. Российский статистический ежегодник. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 18.04.2025).

*Голубых Никита Владимирович,
начальник кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ

Субъект преступления является одним из четырех обязательных элементов состава преступления. По российскому законодательству субъектом преступления может быть физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Если в норме Особенной части Уголовного кодекса РФ для субъекта преступления предусмотрен какой-либо дополнительный признак, такой субъект является специальным.

Ярким примером специального субъекта преступления является субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, внесенной в уголовное законодательство в 2019 году. Данная норма предусматривает ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Именно занятие такого положения является ключевым признаком субъекта данного преступления, определяет его суть.

Для установления признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, во-первых, необходимо наличие определенной иерархии. Иерархия предполагает определенную субординацию, подчинение одной стороны другой. Иерархия возможна только в определенном сообществе. Поэтому совершить данное преступление в одиночку не представляется возможным, всегда необходимо наличие некой группы людей, объединенных общими целями.

Во-вторых, иерархия, в которую встроен субъект анализируемого преступления, должна быть преступной. Лица, образующие преступную иерархию должны заниматься именно преступной деятельностью, сама иерархия возника-

ет в ходе осуществления преступления. Преступная деятельность, в ходе которой возникает преступная иерархия, должна быть достаточно продолжительной, что может выражаться в наличии неоднократной судимости у лиц, образующих такую иерархию. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что только примерно половина лиц, осужденных за занятие высшего положения в преступной иерархии, имела судимость на момент совершения преступления. И хотя этот показатель серьезно превышает показатель ранее судимых лиц среди осужденных за преступления вообще (примерно одна треть), тем не менее, он вызывает много вопросов. Получается, что половина из осужденных по ст. 210.1 УК РФ либо не имели судимости в принципе, либо имели ее достаточно давно, и она была снята или погашена. Можно ли в таком случае говорить о наличии преступной иерархии, если ее высшее звено не имеет судимости? Это при том, что только примерно 9 % лиц, осужденных по ст. 210.1 УК РФ, отбывали на момент совершения этого преступления уголовное наказание в виде лишения свободы за ранее совершенные деяния [1].

Третьим признаком субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является то, что лицо занимает в преступной иерархии высшее положение. О высшем положении может свидетельствовать выполнение организационно-распорядительных функций, распределение ролей при совершении преступлений, решение спорных вопросов в качестве «третьей стороны», вовлечение в криминальное сообщество новых членов, распределение финансовых потоков. Пожалуй, это наиболее сложный, оценочный признак анализируемого преступления. Анализ судебной практики показывает, что анализируемое преступление всегда имеет одного исполнителя, не совершается в соучастии, по крайней мере, в форме соисполнительства, высший иерарх – это всегда один лидер.

Все осужденные по ст. 210.1 УК РФ являются лицами мужского пола, что объясняется отечественными криминальными традициями, лидерами криминальной среды являются мужчины. В основном это лица зрелого возраста, среди них нет несовершеннолетних, хотя встречаются случаи осуждения по дан-

ной статье лиц, входящих в возрастную группу от 18 до 24 лет. Примерно тридцать процентов осужденных за совершение анализируемого преступления достигли возраста 50 лет и старше, тогда как в общей структуре осужденных такие лица занимают лишь 11 %, что свидетельствует о том, что занятие высшего положения требует достаточно значительных временных затрат.

Примерно 15 % осужденных за занятие высшего положения в преступной иерархии являются иностранными гражданами или лицами без гражданства, тогда как в общей структуре осужденных за преступления иностранцы занимают всего 4 %. Это можно объяснить присущим российскому криминалитету интернационализмом, когда национальная принадлежность не играет большой роли в вопросе повышения криминального статуса лица.

Что касается рода занятий осужденных по ст. 210.1 УК РФ, то в большинстве случаев это трудоспособные, но не имеющие постоянного источника легального дохода лица, что также соответствует отечественным криминальным традициям: профессиональный преступник должен зарабатывать на жизнь совершением преступлений [1].

Анализ немногочисленной судебной практики по применению ст. 210.1 УК РФ показывает, что лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, признаются, как правило, так называемые «воры в законе». «Вор в законе» – неформальный статус высших иерархов преступного мира в советско-российской традиции. Для лиц данной категории существует неписанный кодекс поведения, их решения обязательны для выполнения другими членами криминального сообщества. Вместе с тем данный статус является неофициальным, установление принадлежности определенного лица к данной категории значительно затруднено в силу трансформации в последнее время криминальных традиций, межкланового разобщения, отрицания отдельными лицами наличия у них этого статуса. В любом случае для применения ст. 210.1 УК РФ, по нашему мнению, необходимо не только наличие у лица статуса «вора в законе», но и его участие в деятельности криминального сообщества, в совершении преступлений.

Перечень субъектов анализируемого преступления не ограничивается только «ворами в законе». Лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, также могут признаваться назначаемые «ворами» так называемые «положенцы», «смотрящие», обладающие высшем криминальным положением в определенном учреждении уголовно-исполнительной системы, районе, городе, регионе. Кроме того, по нашему мнению, признать занимающим высшее положение в преступной иерархии, можно и лицо, которое не входит в классическую криминальную иерархию, не признает «властных полномочий» «воров в законе», но при этом руководит крупным преступным сообществом.

Список источников

1. Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 05.06.2025).

*Ефарова Марина Николаевна,
доцент кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

МЕСТО И РОЛЬ СТ. 267¹ УК РФ В СИСТЕМЕ НОРМ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Предусмотренная ст. 267¹ УК РФ ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, до сих пор вызывает немало вопросов, связанных с разграничением норм уголовного и административного законодательства, регламентирующего ответственность за смежные деяния. Остановимся на трех проблемах:

1. Разграничение действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267¹ УК РФ), и приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения (ч. 1 ст. 267 УК РФ).

Определяя основной непосредственный объект преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 267 УК РФ, необходимо учитывать особенности механизма причинения вреда общественным отношениям. Его специфика заключается в том, что угроза жизни, здоровью и безопасности граждан либо угроза уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц создается не субъектом преступления, а лицом, непосредственно осуществляющим эксплуатацию того или иного транспортного средства. При этом важно отметить, что уголовно наказуемые действия, предусмотренные ч. 1 ст. 267 УК РФ, совершаются на этапе либо предшествующем эксплуатации соответствующего вида транспорта, либо в процессе его эксплуатации при условии того, что опасность жизни, здоровью и безопасности граждан либо уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц не носит непосредственный характер. Другими словами, угроза

жизни, здоровью и безопасности граждан либо угроза уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц, являющиеся признаком основного состава, создается не в момент совершения предусмотренного ч. 1 ст. 267 УК РФ деяния, а в будущем. Так, например, приговором Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) Б. был обосновано привлечен к уголовной ответственности по ст. 267 УК РФ за то, что, двигаясь на летном поле аэродрома на спецтранспорте задним ходом, совершил наезд на стоящее воздушное судно, приведя его в негодное для дальнейшей эксплуатации состояние [1].

2. Могут ли действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, быть связаны с нарушением нормативных правовых предписаний?

Неопределенность в характеристику объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, добавляет вопрос о том, могут ли действия виновного быть связаны с нарушением правил движения и эксплуатации транспортных средств либо требований по соблюдению транспортной безопасности или нет.

Особенность ст. 267¹ УК РФ проявляется в «не бланкетном» характере ее нормы. Содержание диспозиции не предусматривает ответственности за нарушение буквально указанных правил или требований, установленных нормами позитивного права, в отличие от иных статей главы 27 УК РФ.

Необходимо отметить, что на этапе криминализации законодатель будто акцентирует внимание на том, что действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, не должны быть связаны с нарушением правил безопасности движения или эксплуатации транспорта либо требований по соблюдению транспортной безопасности, что, представляется, вполне оправданным по следующим причинам. Во-первых, нормативное регулирование противодействия противоправному поведению, связанному с нарушением таких правил и требований, осуществляется уголовно-правовыми (гл. 27 УК РФ) и административно-правовыми средствами (гл. 11, 12 КоАП РФ). Во-вторых, включение в систему норм о преступлениях против безопасности движения и эксплуа-

тации транспорта деяния, представляющего собой нарушение норм позитивного права, но не влекущего уголовно наказуемых последствий, неизбежно приводит к сложностям его разграничения от административных правонарушений.

Результаты анализа судебных решений, вынесенных в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, показали, что правоприменительные органы относят к действиям, угрожающим безопасной эксплуатации транспортных средств, нарушения Правил дорожного движения РФ, в частности «опасное вождение».

Специфика опасного вождения, на первый взгляд, близка характеристике действий, входящих в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ. Однако если расценивать опасное вождение как уголовно наказуемое деяние, может сложиться абсурдная ситуация. Если оно создает опасность для здоровья, то ответственность – уголовная, а если влечет последствия в виде вреда здоровью (в частности легкого), то – административная. Очевидно, что данная проблема может быть разрешена посредством разработки критериев, которые будут определять действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Принимая во внимание изложенное, представляется, что анализируемое преступление не должно быть связано с нарушением нормативных правовых предписаний, в частности, правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена; требований в области транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах; правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств; правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, то есть тех, нарушение которых является признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 263, 263¹, 264, 264¹, 264², 264³, 268 УК РФ.

Соответственно, при соотношении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, с иными уголовно наказуемыми деяниями, посягающими на безопасность движения и эксплуатации транспорта, сле-

дует акцентировать внимание на том, что наличие или отсутствие общественно опасных последствий не является критерием разграничения преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ от ст. 263, 263¹ и 264 УК РФ. Осуществляя юридическую оценку поведения лица по ст. 267¹ УК РФ, следует исключить факт нарушения им правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств либо требований по соблюдению транспортной безопасности.

Учитывая сказанное, представляется неверной юридическая оценка следующих действий. Приговором мирового судьи по судебному участку г. Усолье-Сибирское и Усольского района Иркутской области назначено наказание по ст. 267¹ УК РФ гражданину Т., который при нарушении п. 1.3, 1.5, 2.7, 3.2, 10.1 Правил дорожного движения создал ситуацию, опасную для движения транспортных средств, что в итоге привело к столкновению трех автомобилей и причинению легкого вреда здоровью [2]. Ответственность по ст. 267¹ УК РФ исключается, поскольку поведение лица связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Содеянное не может быть квалифицировано и по ст. 264 УК РФ ввиду отсутствия последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти. Поведение Т. надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ как нарушение Правил дорожного движения, повлекшее причинение легкого вреда здоровью.

3. «Хулиганство на транспорте».

Вопросы, связанные с разграничением ст. 267¹ УК РФ с п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, предусматривающим ответственность за хулиганство на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования, возникают до сих пор. Несмотря на некоторую схожесть [3], данные составы имеют весьма существенные различия¹.

Осуществляя юридическую оценку по ст. 267¹ УК РФ, следует принимать во внимание, что оно является предметом, на который виновное лицо непосредственно или опосредованно воздействует и тем самым причиняет вред объекту

¹ Гришин Д. А. и Балашова Ю. В. считают, что существенной разницы между ними нет.

уголовно-правовой охраны. В п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ транспортное средство является местом совершения преступления.

Однако вопросы, связанные с разграничением совершенных из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, и хулиганства на транспорте общего пользования могут возникнуть, когда лицо совершает соответствующие действия, находясь непосредственно на транспортном средстве. В этом случае квалифицировать содеянное необходимо с учетом того, какому объекту причиняется вред.

При разграничении уголовно наказуемых по ст. 267¹ УК РФ действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, и хулиганства на транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ) следует иметь в виду, что деяние, предусмотренное ст. 267¹ УК РФ, посягает на общественные отношения, связанные с обеспечением безопасной эксплуатации транспортных средств (например, пассажир городского наземного транспорта стреляет из пневматического пистолета по колесам другого транспортного средства).

При совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, нарушается общественный порядок, соблюдаемый в процессе эксплуатации транспортного средства. Иными словами, основной непосредственный объект «хулиганства на транспорте» – это совокупность правил поведения и общежития, установленных нормами права, морали и традициями, обеспечивающими обстановку спокойного пребывания людей на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. В тех случаях, когда лицо, помимо совершенных из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, осуществляет иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок на транспорте общего пользования, выражающие явное неуважение к обществу (угрожает примирением насилия к другим пассажирам), содеянное им надлежит квалифицировать по ст. 267¹ УК РФ и соответствующей части ст. 213 УК РФ.

Учитывая все вышеизложенное, вероятно, возникает совершенно справедливый вопрос: какое поведение может быть уголовно наказуемым по ст. 267¹ УК РФ? Представляется, что к действиям, угрожающим безопасной эксплуатации транспортных средств, могут относиться: повреждение дорожных знаков или устройств сигнализации с их последующим опрокидыванием на проезжую часть либо сбрасывание с мостов или эстакад иных предметов; стрельба по колесам или стеклам движущегося транспортного средства, забрасывание его камнями; ослепление пилотов (водителей) лазерными указками; обесточивание электрической системы морского судна; оставление на железнодорожном полотне предметов перед движущимся поездом и др.

Список источников

1. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 25 октября 2016 г. URL: <https://sudact.ru/>.
2. Приговор мирового судьи по 97 судебному участку г. Усолье-Сибирское и Усольского района Иркутской области от 10 сентября 2018 г. URL: <https://sudact.ru/>.
3. Гришин Д. А., Балашова Ю. В. Уголовно-правовая характеристика хулиганских действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств // Транспортное право. 2019. № 1. С. 21–23.

*Мырзабергенов Азамат Амирбаевич,
адъюнкт адъюнктуры
Уральского юридического института МВД России*

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К СТ. 208 УК РФ К ПОСОБНИКАМ УЧАСТНИКОВ НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Исследователями небезосновательно отмечается, что уголовное законодательство Российской Федерации идет по пути гуманизации [1]. Явным проявлением указанной тенденции является закрепление в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) оснований для освобождения от уголовной ответственности [2, с. 92]. В науке уголовного права вышеупомянутые основания называют нормами-компромиссами или нормами, допускающими компромисс в борьбе с преступностью [3, с. 3].

Частным случаем нормы-компромисса является примечание к ст. 208 УК РФ, позволяющее освободить от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное частями первой или второй ст. 208 УК РФ, добровольно прекративших участие в незаконном вооруженном формировании и сдавших органам власти оружие.

Исходя из текстуального изложения данного примечания, не совсем ясно, распространяется ли его действие на лиц, содействующих участникам незаконных вооруженных формирований, или нет.

Так, в качестве условий освобождения от уголовной ответственности закреплены выход из состава такого формирования и сдача оружия. Вместе с тем пособник незаконным вооруженным формированиям отличается от участника тем, что, в отличие от последнего, не входит в состав подобных объединений [4, с. 95].

Учитывая изложенное, представляется, что действие примечания к ст. 208 УК РФ не распространяется на лиц, содействующих участникам незаконных вооруженных формирований, поскольку они по объективным причинам не смогут выполнить указанное условие.

Между тем возникает закономерный вопрос: насколько оправдан такой подход в отношении лиц, обладающих несомненно меньшей общественной опасностью и также совершающих позитивные посткриминальные поступки?

Так, анализируя институт добровольного отказа от преступления, следует, что к пособникам преступлению выдвигаются наименее «строгие» условия для освобождения от уголовной ответственности, в отличие от иных соучастников, поскольку ему не требуется необходимость предотвращения преступления. Однако в случае применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности, напротив, лицо, содействующее преступлению, при позитивном посткриминальном поведении находится в более худшем положении, чем исполнитель такого преступления ввиду отсутствия правового основания для освобождения от уголовной ответственности.

Вышеизложенное обуславливает необходимость более глубокого научного осмысления применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в отношении иных соучастников преступления кроме исполнителя.

Список источников

1. Дубровина Е. С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития // Московский юридический журнал. 2018. № 4. 161–172.
2. Тарасов В. Ю. Применение специальных видов освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2023.
3. Аликперов Х. Д. Проблемы дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм, допускающих компромисс в борьбе с преступностью. Баку-Элм, 1992.
4. Магомедов Г. Б., Юсупов М. Ю. Проблемы разграничения участия в незаконном вооруженном формировании и пособничества в нем // Правовая культура. 2020. № 3 (42).

*Мясникова Татьяна Васильевна,
преподаватель кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Уральского юридического института МВД России*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛИЦАМ, ЗАНИМАЮЩИМ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ, КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Организованная преступность считается одним из наиболее опасных явлений современного общества. Борьба с ней представляется наиболее эффективной уже на этапе профилактики и предупреждения. Многолетний опыт противодействия организованным сообществам криминальной направленности позволяет в настоящее время наметить определенный вектор работы не только правоохранительных органов, но и всего общества в целом.

Противодействие лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, является ключевым и стратегическим направлением в борьбе с организованной преступностью. Исключение рядовых участников преступных формирований без воздействия на руководящее звено неэффективно, так как структура криминального сообщества быстро восполняется и восстанавливается. Лидеры преступной цепи обеспечивают устойчивость её деятельности, контролируют внутреннее устройство и поддерживают дисциплину, отвечают за распределение ресурсов и разрешение конфликтов. Нейтрализация руководящего звена парализует деятельность криминального сообщества, а также разрушит систему управления, что значительно ослабит влияние преступного мира и сделает его более уязвимым и доступным для сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, успешное привлечение к ответственности ранее «не-

прикасаемых» авторитетов подрывает убеждение об их всемогуществе и оказывает сдерживающее воздействие на других.

Рассмотрение вопросов противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, возможно с точки зрения поэтапного анализа. Так, в числе первостепенного фактора выступает демонстративная приверженность преступного авторитета определенным правилам и обычаям криминального общества, что способствует занятию более высокого положения в уголовной иерархии. Эти действия предполагают достижение договоренности с признанными лидерами преступного сообщества о присвоении статуса «вора в законе». Для предупреждения указанных действий целесообразно применить к ним меры профилактического характера, направленные на предотвращение их участия в процедурах назначения нового статусного лидера. Превентивные меры необходимо распространить и на обычных участников криминальной структуры, нацеленных на получение статуса «вора в законе».

Существенным фактором, способствующим формированию лидерских позиций в преступной среде, является их романтизация в медиа пространстве и продуктах культуры. Этот феномен привлекает в ряды организованных преступных групп молодежь, ищущую идеалов. Сами лидеры умело культивируют этот образ, маскируясь под благотворителей, духовных наставников или борцов за справедливость. Таким образом, создание притягательного, идеализированного образа становится важным инструментом для обретения высшего статуса в криминальной иерархии.

Для дискредитации сложившегося образа лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, также необходимо действовать через средства массовой информации. Широкая огласка фактов задержания, ареста и конфискации имущества у «авторитетов», опровержение различных фактов о личности и жизнедеятельности преступных лидеров через новостные эфиры, документальные фильмы и статьи может способствовать разоблачению устойчивого представления о беспечной жизни таких лиц, что снизит уровень подражания им со стороны молодой части населения нашей страны.

Далее рассмотрим специфический фактор, сопровождающий большинство преступлений, связанных с организованной преступностью, в частности с занятием лицом высшего положения в преступной иерархии, – коррумпированность лидеров криминального мира. Это системный вызов, который лежит на стыке борьбы с организованной преступностью и противодействием коррупции.

Наличие связей в правоохранительных органах позволяет криминальным авторитетам уходить от уголовной ответственности. В силу их статуса довольно частыми становятся ситуации, когда в процессе расследования уголовного дела преследование в отношении данной категории граждан прекращается, ключевые свидетели меняют показания, а доказательства вдруг оказываются недопустимыми. Так, высшие эшелоны уголовного общества становятся фактически неприкасаемыми. Всё это неизбежно приводит к подрыву основ правосудия и доверия к государству. Когда общество видит, что крупные преступники действуют безнаказанно и открыто, а правоохранительная система не может этому противостоять, это разрушает веру в справедливость и закон, что порождает правовой нигилизм.

Также проблема наличия коррупционных связей стимулирует деятельность по легализации (отмыванию) преступных доходов. Через подконтрольных лиц авторитеты обналичивают и инвестируют в различные объекты денежные средства криминального характера, что дает преступности экономическую и социальную легитимность.

Борьба с этим явлением требует комплексного подхода, направленного как на криминальных лидеров, так и на коррумпированных чиновников. Требуется совершенствование законодательства и правоприменительной практики в данной области, разработка эффективных программ защиты свидетелей и сделок с правосудием, которые позволят привлекать низшее и среднее звено преступной цепи к даче показаний против лидеров и коррумпированных представителей государственной власти.

Еще одним способом противодействия обрастанию коррупционными связями лидеров уголовного мира с должностными лицами является жесткая ротация и проверка кадров. Регулярная смена руководителей оперативных и следственных подразделений в регионах, а также проведение плановых проверок их финансового состояния и контактов активно способствует выявлению признаков коррупции.

Предупреждение коррумпированности лидеров криминального мира – это не точечные меры, а системная политика по изоляции криминала от органов власти. Она требует политической воли, координации всех силовых и финансовых ведомств и создания такой среды, где коррупционное взаимодействие с преступностью становилось бы максимально рискованным и невыгодным для всех участников.

Таким образом, в соответствии с методами предотвращения преступлений предлагается осуществлять профилактику данного вида преступлений путем устранения условий, способствующих проявлению криминального поведения, характерного для руководителей преступных структур. Меры по предотвращению занятия высоких позиций в криминальной иерархии должны быть направлены на пресечение обрядов инициирования в качестве лидеров преступной иерархии, на отказ от общения с индивидами из верхних эшелонов криминального мира, а также с лицами, занимающими руководящие должности, и обычными членами преступных сообществ (организаций), от причастности к таким преступлениям. Профилактические меры должны быть направлены на преодоление антиобщественных убеждений, формируемых в обществе.

*Первухин Александр Сергеевич,
преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России*

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ДЕЯНИЯ, СОДЕРЖАЩЕГО ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 264² УК РФ, МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫМ

В науке уголовного права незаслуженно мало внимания уделяется вопросу о возможности признания деяния, содержащего признаки состава преступления с административной преюдицией, малозначительным. Отсутствие в научном сообществе согласия по вопросам, связанным с такими категориями, как «общественная опасность», «малозначительность», «административная преюдиция», обуславливает многообразие мнений по основному поставленному вопросу и осложняет его. Остался без внимания и вопрос о возможности признания деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ст. 264² УК РФ, малозначительным. Наличие в правоприменительной практике спорных решений обуславливает необходимость рассмотрения данного вопроса.

Общественная опасность преступлений, состав которых содержит административную преюдицию (далее – преюдирующих преступлений), образуется суммой «зарядов» общественной опасности, которые в себе несут деяние и личность. Общественная опасность лица индицируется его поведением, выраженным в совершении определенного количества установленных правонарушений за соответствующий временной период.

Так, в случае с ч. 1 ст. 264² УК РФ поведение лица выражается в последовательном совершении трех правонарушений: первое – ч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, второе – ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, третье – ч. 1 ст. 264² УК РФ. Принимая во внимание положения административно-

деликтного и уголовного законодательства, следует констатировать, что временной период между первым и вторым правонарушением может составлять от 1 года до 1,5 лет, между вторым и третьим правонарушением – 1 год. Такое поведение, по мнению законодателя, индицирует достаточную общественную опасность лица для его привлечения к уголовной ответственности.

Следует заметить, что временной период между вторым и третьим правонарушением может существенно увеличиваться. Например, в связи с негативным поведением лица, выражающемся в уклонении от исполнения назначенного административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами. В этом случае «плотность» правонарушений (количество правонарушений за единицу времени) падает. Поведение, которое характеризуется низкой плотностью правонарушений, не индицирует общественную опасность личности. В связи со сказанным полагаем, что деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264² УК РФ, следует признавать малозначительным, когда поведение лица характеризуется низкой «плотностью» правонарушений, обусловленной существенным временным периодом между вторым и третьим правонарушением, значительно превышающем 1 год.

Подобные ситуации в правоприменительной практике не редкость. Их наличие обусловлено тем, что законодатель неудачно выбрал признак, характеризующий временную характеристику общественно опасного поведения лица, – его подверженность административному наказанию и лишенность права управления транспортными средствами. Вероятно, следует установить строго определенный временной период, в течение которого возможно привлечение лица к уголовной ответственности. Это позволит исключить возникновение указанных выше ситуаций в правоприменительной практике, что благоприятно скажется на ее качестве.

Другая ситуация, при которой возможно признание деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ст. 264² УК РФ, малозначительным, может быть выражена в нарушении ПДД РФ, образующем объективную сторону, не обладающем свойственной ему общественной опасностью. Как уже было

сказано выше, общественно опасное поведение в случае с ч. 1 ст. 264² УК РФ характеризуется трехкратным нарушением ПДД РФ, с ч. 2 ст. 264² УК РФ четырехкратным. Такое поведение индицирует общественную опасность личности, достаточную для применения уголовно-правовых мер, только в том случае, если каждое из нарушений ПДД РФ, образующих его, обладает свойственной ему общественной опасностью.

Здесь следует заметить, что некоторые грубые правонарушения в сфере безопасности дорожного движения Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо запрещает признавать малозначительными. Так, например, в одном из постановлений указано, что административные правонарушения, предусмотренные статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ, не могут быть отнесены к малозначительным, поскольку управление водителем, находящимся в состоянии опьянения, транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности, существенно нарушает охраняемые общественные правоотношения, независимо от поведения правонарушителя, размера вреда, наступления последствий и их тяжести. Кроме того, повторное совершение указанных административных правонарушений является уголовно наказуемым деянием [1].

Руководствуясь такой логикой можно заключить, что деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного ст. 264² УК РФ, не может быть признано малозначительным. Однако полагаем, что с этим согласиться нельзя. Состав правонарушения не может предопределять вывод о малозначительности, а сам факт того, что за повторное аналогичное деяние установлена уголовная ответственность, вовсе никак не влияет на его опасность. Следует также сказать, что практике известны случаи признания нарушения ПДД РФ, предусмотренного ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, малозначительным. Решений, которыми нарушение ПДД РФ, предусмотренное ч. 4, 5 ст. 12.9 КоАП РФ, было признано малозначительным, нам найти не удалось. Представляется, что это обусловлено особенностью диспозиций ч. 4, 5 ст. 12.9 КоАП, в которых законодатель строго определил величину превышения установленной скорости движения транспортного средства.

Правоприменителю, в зависимости от фактических обстоятельств дела, послуживших основанием для признания деяния малозначительным, необходимо правильно его аргументировать. Если в основе такого решения лежит низкая плотность правонарушений, то достаточно обосновать низкую общественную опасность лица. Если основанием послужило отсутствие свойственной общественной опасности нарушения ПДД РФ, составляющего объективную сторону преступления, то правоприменителю необходимо обосновать отсутствие общественной опасности как деяния, так и деятеля.

Подводя итог вышесказанному, следует заключить, что деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного ст. 264² УК РФ, может быть признано малозначительным.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант плюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

*Родыгин Роман Александрович,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России*

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ОПАСНЫХ ДЛЯ ЕГО ЖИЗНИ ДЕЙСТВИЙ (СТ. 151.2 УК РФ): ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В рамках усиления уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетних глава 20 УК РФ была дополнена ст. 151.2, которая установила ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для их жизни. Указанная правовая новелла выступила в качестве необходимой реакции законодателя на появление новых форм общественно опасного поведения, направленного на формирование у молодого поколения интереса к противоправным деструктивным и экстремальным видам деятельности, к числу которых относятся: «опасные игры» (например, «собачий кайф» или «беги или умри»); сталкерство (посещение и исследование заброшенных мест); скайуокинг (покорение высотных зданий и сооружений без страховочного снаряжения); зацепинг (проезд снаружи поездов, вагонов и железнодорожных составов); руфинг (посещение крыш высотных зданий и домов) и др. [1, с. 169].

Анализ судебной статистики показывает, что данная норма применяется крайне редко. За последние три года к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, было привлечено только лишь девять человек [2]. По нашему мнению, такой уровень провоприменительной практики вызван в том числе отдельными недостатками конструирования рассматриваемого уголовно-правового запрета.

Указанные сложности во многом обусловлены тем, что при формулировании исследуемого состава преступления законодателем был использован при-

знак «противоправности», на неопределенность которого обращали внимание в Общественной палате Российской Федерации, при подготовке соответствующего заключения на проект федерального закона, установившего ответственность за совершение действий, описанных в ст. 151.2 УК РФ.

Противоправность характеризуется нарушением запрета, указанного в законе или в подзаконных актах, либо невыполнением обязанности, вытекающей из нормативно-правового акта или заключенного на его основе трудового или иного договора [3, с. 310]. Использование законодателем признака «противоправности» порождает вопрос об уровне и юридической силе нормативных актов, устанавливающих запрещенность действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний.

Так, например, в ст. 9.4 Кодекса Пензенской области об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за прыжки в воду с маломерных судов, причалов и мостов. Очевидно, что такие действия могут представлять опасность для жизни подростка. Таким образом, побуждение несовершеннолетнего к совершению прыжков с высотного моста при наличии к тому оснований может влечь за собой ответственность по ст. 151.2 УК РФ. Однако такая правовая оценка будет возможна только в случае, если эти действия совершаются на территории Пензенской области, так как во многих других субъектах Российской Федерации подобные нормативные запреты отсутствуют. Кроме того, запрещенность того или иного объективно опасного для жизни поведения может быть также предусмотрена нормативными актами органов местного самоуправления, а также локальными актами различных органов и организаций. Безусловно, подобная интерпретация признака «противоправности» противоречит предусмотренным УК РФ принципам действия уголовного закона в пространстве.

Некоторые исследователи приходят к выводу о необходимости исключения признака «противоправности» из диспозиции ст. 151.2 УК РФ, так как его наличие значительно ограничивает возможность применения указанной нормы [4, с. 278].

Мы считаем, что подобное решение поставит под уголовно-правовой запрет рассматриваемой нормы действия, связанные с вовлечением (склонением) несовершеннолетних к абсолютно всем формам экстремальной активности и досуга, которые сопряжены с риском для жизни. В указанном случае недопустимо будет побуждать интерес несовершеннолетнего к занятию парашютным спортом, альпинизмом, автомобильным спортом и т. д. Безусловно, такой вариант юридической оценки указанных действий является недопустимым и не соответствует духу и смыслу этой нормы. Полагаем, что преодоление данной проблемы может быть достигнуто за счет дополнения диспозиции ст. 151.2 УК РФ ответственностью не только за вовлечение в противоправные действия, но и в иные действия, представляющие опасность для жизни несовершеннолетнего, перечень которых может быть утвержден распорядительным актом Правительства Российской Федерации.

Список источников

1. Родыгин Р. А. О некоторых уголовно-правовых средствах защиты несовершеннолетних от преступных посягательств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35).
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 г., 2023 г. и первое полугодие 2024 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.03.2025).
3. Теория государства и права. Часть 2. Теория права: учебник / Е. А. Воротилин, О. Э. Лейст, М. Н. Марченко [и др.]. М.: Зерцало-М, 2011.
4. Родин С. Г., Колесников Р. В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для их жизни: обоснованность криминализации и проблемы квалификации // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3.

*Чернышев Дмитрий Борисович,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

УГРОЗА УНИЧТОЖЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Вымогательство является достаточно древним видом преступлений против собственности. Значительный рост количества зарегистрированных вымогательств на территории стран бывшего Советского союза отмечается на период 90-х годов XX века, что связано с социально-экономическими потрясениями в стране и появлением организованной преступности [1]. В дальнейшем в связи с нормализацией экономической и политической обстановки, а также принимаемыми со стороны правоохранительных органов решительными мерами противодействия организованной преступности число фактов совершения подобных преступлений снизилось. Согласно данным российской официальной статистики, если в 2010 году по всем частям ст. 163 УК РФ было осуждено 3 603 лица, то в 2015 году данный показатель составил 2 116, в 2020 году – 1 457, в 2023 году – 686 [2]. Следует отметить, что снижение количества регистрируемых вымогательств в целом коррелирует с общим снижением уровня насильственной преступности, в частности сопряженной с корыстными посягательствами [3]. Это принято связывать с наметившейся тенденцией на переход корыстной преступности в киберпространство.

Безусловно, наиболее распространенными имущественными преступлениями, совершаемыми в сети Интернет, традиционно являются кражи и мошенничества, тем не менее, анализ судебной практики показывает, что возможности и преимущества, которые дают преступнику IT-технологии, используют-

ся и при совершении других имущественных преступлений, в частности вымогательства, о чем пойдет речь в настоящей статье.

В ходе анализа судебной практики нами был выявлен ряд решений, вынесенных по уголовным делам о вымогательстве, в которых при требовании денежных средств угроза выражалась в виде воздействия на компьютерную информацию. Так, согласно приговору Череповецкого городского суда Вологодской области, подсудимый М. в мессенджере «Telegram» при неустановленных обстоятельствах приобрел логин и пароль для входа на личную страницу в социальной сети «ВКонтакте», принадлежащей потерпевшей, после чего произвел неправомерный доступ к указанной странице. Обнаруженные в переписке потерпевшей интимные фотографии он скопировал на свой компьютер, после чего стал требовать от нее денежные средства под угрозой обнародования данных фотографий [4].

В приведенном примере у суда не возникло проблем в квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 272 и 163 УК РФ. Аналогичные конструкции присутствуют в уголовном законодательстве Республики Казахстан, сформулированные в статьях 205 и 194 УК РК. Способом совершения вымогательства в данном примере выступила угроза распространения сведений, позорящих потерпевшую.

Вместе с тем формулировка объективной стороны вымогательства, совпадающая в диспозициях ст. 163 УК РФ и 194 УК РК, содержащая исчерпывающий перечень последствий, которыми субъект может угрожать потерпевшему в случае невыполнения требований о передаче имущества или денежных средств, вызывает определенные трудности при квалификации действий, связанных с угрозой уничтожения компьютерной информации.

В качестве примера приведем приговор Советского районного суда г. Томска. Подсудимый Д. путем неправомерного доступа к учетным записям организации, размещенным на сервере, осуществил шифрование разделов жестких дисков, что повлекло невозможность доступа к содержащейся на них компьютерной информации (базам клиентов и поставщиков, программам и ба-

зам бухгалтерского учета и т. д.). В дальнейшем Д. выдвинул потерпевшим требование о переводе на его криптокошелек 0,8 единицы криптовалюты BTC (Bitcoin) стоимостью 504 640 рублей под угрозой сохранения блокировки, уничтожения и повреждения компьютерной информации. Суд согласился с предъявленным Д. обвинением в совершении преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ. Однако по ходатайству государственного обвинителя изменил квалификацию по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ на п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, мотивируя это тем, что в действиях подсудимого отсутствуют признаки объективной стороны вымогательства, а именно угрозы применения насилия, уничтожения или повреждения имущества. Однако из анализа представленной совокупности доказательств, а также направленности умысла и криминально активных действий подсудимого следует, что Дудников Д. В. открытым способом в электронной переписке высказал безальтернативное требование имущественного характера в адрес представителей потерпевшего о незамедлительной передаче ему денежных средств, в связи с чем действия Д. были квалифицированы по п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ [5].

Рассматривая приведенный пример, возникает вопрос: можно ли отнести угрозу уничтожения либо повреждения компьютерной информации к угрозе уничтожения или повреждения чужого имущества, указанной в диспозиции ст. 163 УК РФ и ст. 194 УК РК?

Для ответа на него следует обратиться к положениям гражданского права. Так, в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса РФ, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности относятся к категории иного имущества [6]. Согласно ст. 1225 Гражданского кодекса РФ к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, помимо прочего, относятся программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ) и базы данных. Таким образом, компьютерная информация, представленная в виде программ для ЭВМ либо баз данных, является имуществом и может выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ. Иные виды компьютерной информации, не относящихся к перечисленным группам, объектом

имущественных прав не являются и не могут выступать в качестве предмета, угроза уничтожением либо повреждением которого является способом вымогательства. Из сказанного можно сделать вывод о том, что в случае совершения лицом неправомерного доступа к компьютерной информации и требования у потерпевшего передачи денежных средств либо иного имущества, сопровождаемого угрозой уничтожения либо повреждения компьютерной информации, необходимо устанавливать, относится ли указанная компьютерная информация к компьютерным программам либо базам данных. В отдельных случаях для ответа на данный вопрос требуется назначение судебной компьютерной технической экспертизы. В случае подтверждения указанного факта действия виновного следует квалифицировать по ст. 163 УК РФ. В противном случае такие действия состава преступления не образуют.

Список источников

1. Документальный фильм «Банды 90-х. Дорога в ад» [Электронный ресурс] // Следственное управление Следственного комитета России по Рязанской области. URL: <https://ryazan.sledcom.ru/news/item/1741987/>.
2. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <https://cdep.ru>.
3. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
4. Уголовное дело № 1-512/2023 // Архив Череповецкого городского суда Вологодской области.
5. Уголовное дело № 1-31/2022. // Архив Советского районного суда г. Томска.
6. Пучков В. О. Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo vadis // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 68–82.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Баумштейн А. Б.</i> Особенности установления вины в составах экономических преступлений	3
<i>Кобец П. Н.</i> Меры противодействия преступлениям в сфере торговли людьми в условиях развития цифровизации	8
<i>Мелюханова Е. Е.</i> Некоторые проблемы составных преступлений	13
<i>Табанакова В. И.</i> Новый шаг к систематизации антиэкстремистского законодательства: реформа статьи 282 УК РФ в условиях цифровых вызовов	17
<i>Акаева К. А.</i> Виктимологическое предупреждение преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ	21
<i>Веденин Д. В.</i> Особенности личности потерпевшего от мошенничества	25
<i>Голубых Н. В.</i> К вопросу о признаках субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ	30
<i>Ефарова М. Н.</i> Место и роль ст. 267 ¹ УК РФ в системе норм уголовного и административного законодательства	34
<i>Мырзабергенов А. А.</i> К вопросу о возможности применения примечания к ст. 208 УК РФ к пособникам участников незаконных вооруженных формирований	40
<i>Мясникова Т. В.</i> Противодействие лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, как одно из направлений борьбы с организованной преступностью	42
<i>Первухин А. С.</i> О возможности признания деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ст. 264 ² УК РФ, малозначительным	46
<i>Родыгин Р. А.</i> Вовлечение несовершеннолетнего в совершение опасных для его жизни действий (ст. 151.2 УК РФ): вопросы законодательной регламентации	50
<i>Чернышев Д. Б.</i> Угроза уничтожения компьютерной информации как способ совершения вымогательства	53

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

*Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции*

Электронное издание

Редактура, компьютерная верстка *Л. А. Мельниковой*

Заказ № 78

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66